

До чего же мерзкое занятие — считать дни до зарплаты. Мучительно прикидывать, сколько осталось в кошельке, сколько на картах, и осталось ли там вообще хоть что-нибудь, выгребать мелочь из карманов, искать ценники со скидками в магазинах. Нет, не так все плохо, конечно, на еду и квартиру хватит и даже еще немного останется. Но одно дело, когда еще месяц назад собираешься эту самую квартиру купить, а сейчас едва-едва наскребаешь на оплату ее аренды. И чувство такое тошное, даже липкое, и злость разбирает до состояния «аж кушать не могу».

Рита посмотрела на два здоровенных куска торта, уже основательно подсохших. Они стояли тут с утра, с самого начала рабочего дня — Иркин подарочек перед выстрадавшим отпуском. От тортиков чудесно пахло ванилью и шоколадом, но при одной мысли попробовать хоть кусочек желудок сжимался до размера наперстка, а в горле появлялась перегородка с крохотным отверстием для воздуха и тонкой струйки воды. Рита отвер-

нулась к окну и откинулась в кресле. Крыло химеры с этого ракурса имело вид острого, но малость кривова-того копья с подозрительными ржавыми подтеками от острия по древку и ниже, точно чудище ночью удачно поохотилось и потом славно пировало на этой самой крыше. «Химерам хорошо — сожрешь кошку, и нет проблем». — Рита чуть ли не завидовала каменному изваянию, а самой от злости хотелось что-нибудь немедленно разорвать или сломать, или разбить, обязательно вдребезги, в крохотные осколки, в космическую пыль. Когда-то начальником ее департамента был целеустремленный молодой человек, карьерист и сволочь, он быстро вырос по службе и перевелся в центральный офис. Юноша этот для снятия стресса держал в кабинете боксерскую грушу, небольшую, размером с арбуз, и та очень быстро пришла в негодность. На памяти Риты ее меняли дважды, третья уехала в Москву вместе с хозяином. Так вот, этой груши ей сейчас очень не хватало.

Загудел мобильник на беззвучке, Рита глянула на экран и зажмурилась — пришла беда, отворяй ворота. И не ответить нельзя, и заранее знаешь, что потом будет тебе плохо, очень плохо. Рита вдохнула, выпрямилась на стуле и взяла телефон.

— Привет, мам.

— Наконец-то, — буркнули из трубки, — дозвонилась. Я уж думала, что ты мать родную в черный список занесла.

Рита подошла к окну. Химера сыто жмурилась в ореоле ярко-зеленых кленовых листьев и на Риту не

смотрела. Умиротворенный вид каменной морды действовал не хуже успокоительного, только перегородка в горле так и осталась, и ничего, кроме воды, Рита не могла запихнуть в себя уже больше суток.

— Я работала, — сказала она неожиданно спокойно, — хотела сама перезвонить.

— Хотела она, — проворчала мать. Она звонила пятый раз за последний час, и Рита только сейчас заставила себя ответить. Обе замолчали: мать готовилась к атаке, Рита к обороне, как всегда, впрочем.

— Мне деньги нужны, — раздалось из трубки, — очень срочно. На лекарства. У нас через дорогу закрывается аптека, там большие скидки, я хочу купить про запас...

— Лекарства нельзя покупать про запас, — перебила ее Рита. — Если они не пригодятся, то выйдет срок годности, ими можно серьезно отравиться.

— А ты только этого и ждешь! — визгливо оборвала ее мать. — Тебе бы только порадоваться, как мне плохо! Я на Восьмое марта «скорую» вызывала, у меня был сбой сердечного ритма, я могла умереть! А ты где была в это время? Мать страдает, а ей некогда!

Где была — хороший вопрос. Рита, чтобы не сорваться на крик, старалась припомнить, где она была, в самом деле. И череда дней сама собой прошла перед, как писали классики, мысленным взором, и дни все были одинаковые: дом, работа, дом. И деньги, настоящие, серьезные деньги, от коих сейчас и следа, считай, не осталось. От этой мысли на душе стало вовсе уж тошно и беспросветно, а мать продолжала бурчать:

— Такая прекрасная возможность — купить недорогие лекарства! На хорошие мне пенсии не хватает, хоть дешевыми запастись, если вдруг что случится. А у нее денег нет! На всякую ерунду и тряпки деньги есть, а на мать пожалела! Ничего, скоро помру наконец, вот радости тебе будет... — И осеклась: неделю назад Рита перевела ей на карту десять тысяч, и еще две недели назад столько же. Как и в прошлом месяце, как и в позапрошлом: мать уже полгода получала почти три пенсии вместо одной, честно заслуженной, как сама любила говорить. На языке так и крутился вопрос о судьбе эти немаленьких для их городишки денег, но Рита сдержалась. — Спасибо, доченька! — с истерикой в голосе выкрикнула мать. — Спасибо, милая! Ты мне очень помогла. Ну ладно, тебе деньги нужнее, конечно. Звони хоть иногда, узнавай, жива я или нет.

— Завтра счет проверь.

Рита первая отбилась, бросила телефон на кучу бумаг. Стопка лежала на столе с понедельника, и к пятнице она выросла до угрожающих размеров. Таблицы, распечатки, служебные записки — им предстояло стать отчетом за прошлый месяц, «линия смерти» приближалась все быстрее, а тут в полном смысле конь не валялся. И точно кто мысли ее читал, снова зазвонил телефон, на этот раз рабочий. Определился номер руководителя проектов комплаенс, мелко-лысого въедливого мужика по фамилии Милютин, что даже сам себе не верил и всегда проверял отчеты и за собой, и за своими подчиненными. То есть делегировать полно-

мочия и требовать результатов не умел от слова совсем, хотя Рите казалось, что дядя реально кайф ловил, копаясь в первичке и выискивая ошибки.

— Маргарита, я жду, — лживо-приторно проворковали из трубки. Наверное, химера, охотясь, именно так заманивает своих жертв сначала на «поговорить», а потом рвет когтями мягкую шейку доверчивой звярюшки. Рита прикрыла глаза и вместе с креслом отвернулась к стенке. Почему-то вид ободранных обоев не давал сорваться с катушек и здорово помогал держать себя в руках.

— Конечно, Алексей Алексеевич, я помню, — нарочито бодрым голосом сказала она. — Сегодня к вечеру будут предварительные данные...

— Предварительные? — Патока заливала кабинет, Рита почти по пояс утонула в липкой жиже. — Отчего же предварительные, солнце мое? Сегодня какое число? Вы одна остались, голубушка, все уже отчитались!

«Пятнадцатое сегодня, пятнадцатое». — Рите до чертиков хотелось побиться головой о драную стенку, если бы это помогло. К отчету она еще не притрагивалась, и сама мысль о нем отравляла жизнь не хуже вида пустого кошелька и нулей на карточном счете.

— До конца рабочего дня будут. — Рита впечатала трубку в аппарат и немного подержала ее так, точно для верности, что липкий Милютин оттуда не вылезет. С ненавистью глянула на бумаги, прислушалась к голосам за дверью. Если пару минут назад звуки напоминали отдаленный гул моря, то сейчас в нем явно слышались отдельные слова, голоса становились все громче.

Потом послышался стук, будто упало что-то тяжелое, потом смех. «Какого черта!» — Рита распахнула дверь. Юлька, вся красная, с растрепавшейся «гулькой» на макушке, поднимала стул, Анька развалилась в кресле и лопала банан, только что ноги на стол не положила. Ирка с прямой спиной держала покер-фэйс и шустро крутила колесико мыши.

— А что вы жрать будете? — выдохнула Юлька. — Ты подумала, чем троих кормить? Это же не хомячки.

Анька кивнула, верхушка банана отломилась. Анька успела схватить ее зубами и теперь быстро заталкивала в рот, одновременно тряся пегой башкой.

— Само собой, — проурчала та, — мне сначала дадут пособие на третьего ребенка, потом материнский капитал, потом я больничный получу, — Анька только что пальцы не загибала. — Потом дадут наборчик со всякими ползуночками, ботиночками, кофточками, подгузничками, кремиками, лосьончиками, подушечками, одеялками для младенчика...

— Жалко, что мозгов в наборе нет, — едва слышно проговорила Ирка, храня невозмутимый вид. Юлька вцепилась в спинку стула и беспомощно глянула на Риту.

— А потом я как многодетная получу квартиру бесплатную, — Анька приканчивала банан и поигрывала шкуркой, — деток моих в школе будут бесплатно кормить, потому что они из многодетной семьи, потом мне каждый месяц будут деньги давать на ребеночка...

— За инвалидов хорошо платят, я слышала, — Ирка разговаривала с фотографией цветущего лавандового

поля на мониторе. Пропущенный через фильтр вид аббатства Сенанк разил в самое сердце, и Ирка только что не облизывалась на эту красоту. Остроту эмоциям добавляло осознание, что она сама через пару дней физически окажется в центре этой картинки, обежит ее по периметру, по диагонали, зигзагами вдоль и поперек, дыша лавандой, срывая ее и, возможно, падая в заросли. В общем, дорвется, нахватается впечатлений, напьется ими, как вампир крови, и успокоится на полгода. А там придет время Адвента, горячего глювайна в тяжелых кружках, имбирных пряников, weihnachtsmarkt и прочих currywurst в хорошем смысле этого слова.

— Мужик-то твой хоть знает? — нашлась Юлька. Анька швырнула шкурку в мусорку и принялась чистить второй банан.

— Серега пока дома, — важно сообщила она, — ремонт делает, чтобы я из роддома ребеночка в чистую квартиру привезла. А потом ему сразу на работу, я же не смогу, на мне дети!

— Где он работает? — не поворачиваясь, поинтересовалась Ирка.

— Пока нигде, — донеслось вперемешку с пережевыванием банана.

— Фигню спросила, извините, — на грани слышимости проговорила Ирка, — могла бы и сама догадаться.

— Но сразу устроится, как только я рожу!

— Конечно-конечно, кто бы сомневался...

Юлька плюхнулась на свое место, задергала мышкой, только что не грохнула ею по столу. Компьютер «проснулся», на мониторе появились платья, пальто, плащи, удобная дорогая обувь. Юлька с бешеной скоростью листала каталог, плечи у нее дрожали, «гулька» съехала на затылок.

— Какое платье классное, — сыто проурчала Анька, — дорогое?

— Очень, — бросила Юлька сквозь зубы. В ее голосе явно звучали слезы.

— Ты бы могла его купить, если бы не ЭКО, — скалилась Анька в сутулую Юлькину спину, — столько денег на ветер, да? Какая жалость, что ничего не получилось! Мне так жалко тебя, так жалко!

И принялась жрать торт, отламывая ложкой ломти попеременно от ванильного и шоколадного кусков. Юлька неторопливо удалилась вон, Ирка аж побагровела, но промолчала. Рита отступила в кабинет, закрыла дверь и бессмысленно смотрела на нее. «Сонная тупица, овуляшка и пенсионерка». — Марианка точно сидела за столом и гаденько так улыбалась при каждом слове. Рита обернулась, но Марианки там, разумеется, не было. Она давно обреталась в другом, по слухам, весьма хлебном и теплом месте, и в ус не дула, если бы у нее были усы. А бумаги со стола меж тем никуда не делись, их точно больше стало, будто в приоткрытое окно сквозняком затянуло. Рита сгребла эту кучу поближе к монитору, глянула на часы, точно засекая время: до конца рабочего дня оставалось несколько ча-

сов. Разобрала наскоро по стопкам, открыла сводную таблицу и только сосредоточилась, как снова зазвонил мобильный. На этот раз Женя, что показалось странным: они договорились общаться только по вечерам и в выходные, в другое время «партнеры по бизнесу» выходили на связь в крайних случаях.

— Они отказываются платить, — быстро проговорила Женя.

— Причину обосновали? — Рита плечом прижала мобильник к уху, а сама быстро вносила цифры в таблицу. В нижней графе быстро менялись цифры, но до итога было еще очень и очень далеко.

— Не понравились фабула и реализация проекта, — сообщила Женя.

«А я предупреждала, что это чушь собачья», — Рита снова прикусила язык и посмотрела на край окровавленного химеринового крыла.

— Глеб где?

— Он потерпел творческую неудачу и снимает стресс.

Женя помимо потрясающей модельной внешности обладала уникальными способностями изящно подавать ужасные факты.

— В смысле бухает, — уточнила Рита, — водку пьет?

— Вискарь, — беззаботно отозвалась Женя, — как и положено творческой личности. И, кажется, прямо из горла. Но я его еще не искала, так что это только предположение.

— Не искала? — удивилась Рита. — Ты что, не видела Глеба? Где он?

— Без понятия, — легко сказала Женя, — не знаю и знать не хочу. Приезжай, как сможешь, поищем вместе.

И отбилась. Рита еще с полминуты слушала гудки, «зависнув» над бумагами. Из услышанного только что она выделила суть — денег нет и не предвидится, клиент недоволен (на его месте она бы тоже отказалась платить за такую халтуру!) и может оставить плохой отзыв. «Приезжай, как сможешь». Взгляд упал на монитор, на итоговую предварительную цифру. Тенденция вырисовывалась почти точь-в-точь как в прошлом месяце, но сильно врать не хотелось. Рита отключила мобильник и два часа не отрывалась от бумаг. Еще пару раз звонил рабочий, но это было не срочно, и она просто не отвечала. Глаза уже слезились, когда в таблице свое место заняла последняя цифра с листа, заверенного простенькой Анькиной каракулей, круглой, точно рожа имбецила. Рита машинально расставила пропущенные запятые, исправила несколько вовсе уж грубых ошибок и, отшвырнув бумажку подальше, ткнулась лбом в столешницу. «Аллилуйя, — крутилось в голове, — я это сделала». Понимала, что надо бы проверить все еще раз, перебрать документы, просмотреть, а где-то и пересчитать вручную, но не было времени, вот хоть убейте. Она быстро сбагрила отчет Милютину, снова уставилась на кучу бумаг, сжимая в руках телефон. Понятно, что в отчете полно косяков, что придется подавать уточненку, а комплаенс этого ох как не любит, и даже с подозрением относится к та-

ким вот «корректировкам». А через неделю надо сдать форму четырнадцать, будь она неладна, а потом снова комплаенс, только уже за полгода. А тут клиент недовольный, и Глеб, вместо того, чтобы исправить свой же прокол, где-то бухает в свое удовольствие.

— Так не пойдет, — Рита складывала бумаги в стопочку, — так не пойдет, это не дело.

Дверь приоткрылась, заглянула нагло-радостная Ирка.

— Я пойду, можно? — Она не отпрашивалась, а предупреждала, да еще и бессмысленно улыбалась при этом. Если кто-то может остановить товарняк на полном ходу, то карты ему в руки — тормозить туриста в шаге от исполнения мечты. Рита бы не рискнула, да и смысла уже нет никакого. Она даже улыбнулась в ответ.

— Давай, отдыхай как следует.

Ирка радостно закивала, подбежала к Рите, обняла ее и чмокнула в щеку.

— Я тебе фотки пришлю, — пообещала она, — и мыло прованское привезу, оно самое лучшее, вот честное слово. Пахнет обалдеть как. И лаванды букет.

— Иди, иди. — Рита махнула на нее, Ирка с блаженной улыбкой отступала к двери. — Аккуратно там с лавандой, всю не вытопчите.

Ирка моментально сгнула, будто в воздухе растаяла. Юлька вяло махнула ей вслед, Анька гладила себя по едва заметному под мятой блузкой животу. Заметила Риту и заявила: